

Одно невольно брошенное «худо дело», а на душе — тысяча терзаний. Цинь Чжэн вспомнил, как семь лет назад маленький Су Цзыцин с таким же жалким видом сказал ему точь-в-точь эти же слова. Тогда у него дрогнуло сердце, зато дух сделался тверже кремня. И именно эта минутная слабость, обернувшаяся упрямством, предопределила всё, что случилось после.

Шел пятый год эпохи Тяньдин. Едва миновало пятнадцатое число первого месяца, и на Вилле Обширных Холодов всё еще царила праздничная суета. У главных ворот лежал плотный ковер из багровой шелухи от хлопушек, а на ветру покачивались ярко-красные фонари, создавая веселое, теплое настроение.

Цинь Чжэн с самого утра пропадал на тренировочном поле, упражняясь с мечом. Его младшие соученики, поднявшись спозаранку, один за другим лениво подтягивались к площадке. Глядя, как старший брат в одиночку описывает круги вокруг деревянных манекенов, они не переставали восхищаться его упорством. Тренироваться с таким рвением в лютый мороз — на подобное был способен лишь он. Не зря наставник с супругой души не чаяли в своем старшем ученике.

Второй младший брат, Су Хань, уклонился от нескольких свистящих потоков ци и, осторожно приблизившись, крикнул:

— Старший брат, передохни малость! Позавтракаешь, а там и с нами потренируешься. Ты тут впроголодь спину гнешь, а у нас из-за этого кусок в горло не лезет!

Услышав его, Цинь Чжэн легким, изящным движением крутанул клинок и убрал его в ножны. Застыв в безупречной финальной стойке, он поманил Су Ханя рукой:

— Лежебоки несчастные! Который час, по-вашему? Наставник по случаю праздников разрешил не приходить на рассвете, так вы и рады спать до самого завтрака?

Су Хань был младше Цинь Чжэна всего на полгода. Его отец, баснословно богатый купец, в свое время слишком рано ушел в торговлю, но в глубине души всегда грезил о подвигах в цзянху. Свои несбывшиеся надежды он возложил на сына, отправив мальчика на Виллу Обширных Холодов постигать боевые искусства. Несмотря на изнеженное детство, Су Хань никогда не хвастался своим происхождением. К тренировкам он относился со всей серьезностью и ходил за Цинь Чжэном хвостиком, то и дело заискивающе глядя на него.

Цинь Чжэн, выдыхая облачка белого пара, приобнял Су Ханя за плечи и увлек за собой в сторону трапезной.

— Да не в усердии дело, — хмыкнул он. — Просто у меня в комнате под одеялом холоднее, чем на улице. Лежать и зубами стучать надоело, вот и решил размяться.

Су Хань, согнувшись под тяжестью руки старшего брата, простонал наигранно-слабым голосом:

— Раз постель холодная, так заведи себе ту, что будет ее согревать. Как по мне, младшая сестрица Вэй Сюэцин отлично подойдет. Она ведь с самого детства липнет к тебе как банный лист. Если наберешься смелости и попросишь у наставника с супругой ее руки, они наверняка согласятся.

Цинь Чжэн отвесил ему звонкий щелчок по лбу.

— Не мели чепухи. Наша Сюэцин еще совсем дитя, о каком замужестве речь!

Су Хань потер ушибленное место и обиженно надулся:

— Через три года тебе исполнится двадцать, самое время для обряда совершеннолетия. Если свататься, то как раз сейчас, разве нет?

Цинь Чжэн лишь покачал головой.

— Если я эти три года потрачу на усердные тренировки, то смогу поднять свое мастерство владения мечом на совершенно иной уровень. А ранняя женитьба да любовные бредни лишь губят великие помыслы.

Младший брат закатил глаза.

— Ну да, конечно! Просто она тебе не мила. Встреть ты ту самую, единственную, вмиг позабыл бы про свои заоблачные стремления, — Су Хань назидательно, словно умудренный годами старец, поднял палец вверх. — С незапамятных времен даже величайшие герои пасовали перед женской красотой. Еще пара лет — и наша Сюэцин войдет в пору девичьего расцвета, превратится в писаную красавицу. Не подсуетишься сейчас — упустишь шанс, а потом и не думай звать меня глушить тоску вином!

— Среди наших соучеников и так полно ее воздыхателей, — парировал Цинь Чжэн. — Ты что, каждого из них так подначиваешь? Девчонке всего четырнадцать, чего ты привязался к ее замужеству? Всё, живо за стол!

Не дожидаясь ответа, Цинь Чжэн шутливо пригнул голову Су Ханя и втолкнул его в трапезную. После утренней разминки в животе у него ураганом выло от голода, к тому же тело неприятно зудело от пота — безумно хотелось побыстрее покончить с едой и смыть с себя грязь. Однако Су Хань ковырялся в тарелке так, словно пересчитывал каждую рисинку, двигаясь со скоростью сонной черепахи. Цинь Чжэн не отрицал, что и сам порой бывал излишне привередлив, но по сравнению с повадками Су Ханя его собственные капризы казались детским лепетом.

Су Хань отказывался есть иначе как из пиал белого нефрита золотыми палочками. На вилле, где превыше всего ценилась скромность, подобной роскоши отродясь не водилось, поэтому он притащил столовые приборы из семейного поместья, да еще и заставил старшего брата с младшей сестрой пользоваться точно такими же. Ванну он принимал исключительно с лепестками роз или жасмина — и если время цветения проходило, слуги по его приказу во весь опор мчались на вечно цветущий юг, чтобы доставить свежие бутоны. Спал он на шелковых подушках, расшитых золотой нитью, под легким пологом из светящейся в темноте газовой парчи. Даже кровать его была сделана из ценного розового дерева, привезенного отцом с далеких южных морей, — резчики трудились над изголовьем целых полгода. Подобным причудам не было числа. Остальные ученики считали Су Ханя заносчивым чистоплюем и сторонились его, однако Цинь Чжэн находил в этой блажи своеобразное очарование. Было в этом нечто забавное и трогательное: молодой господин упрямо цеплялся за свои изысканные привычки среди толпы неотесанных рубак.

Но сейчас, когда Цинь Чжэну не терпелось смыть с себя пот, чужая медлительность начала откровенно раздражать.

— Ты там что, золотой песок выискиваешь? — не выдержал он. — Живее шевелись, а то я твою порцию мигом приговорю!

Су Хань тут же ревниво прижал пиалу к груди, зыркнув на него исподлобья:

— За один раз положено съесть не больше трех чаш, тем паче за завтраком! Тебе бы самому поостеречься, старший брат, не ровен час — раздобреешь так, что в седло не влезешь. И чего ты меня постоянно подгоняешь?

Цинь Чжэн сокрушенно потер виски:

— Наставник предупредил, что сегодня к нам пожалует важный гость. Меня тоже звали на совет, так что негоже являться туда взмыленным и пахнущим конюшней.

Су Хань иронично хмыкнул:

— Ну еще бы! Ты у нас — лицо Виллы Обширных Холодов, тебе полагается благоухать изысканными благовониями перед визитерами.

Цинь Чжэн щелчком пальцев запустил в него бамбуковую палочку для еды — та точным броском вонзилась прямо в пучок на макушке Су Ханя.

— Слишком много болтаешь. Всё, я побежал. Приятного аппетита, господин Су, заходите к нам еще! — хохотнул он напоследок.

Остальные соученики так и прыснули со смеху, прикрывая рты ладонями, а Цинь Чжэн тем

временем уже вовсю улепетывал прочь.

Тем самым почетным гостем оказался Цуй Шэн — правый посланник Цуй, доверенное лицо главы Зала Высочайшей Справедливости. Преодолев неистовую метель, он прибыл на виллу лишь с одной целью: убедить Вэй Бинцина, хозяина поместья, протянуть им руку помощи. Он жаждал объединить силы и одним сокрушительным ударом стереть с лица земли Долину Павшего Бессмертного, оплот нечестивого Божественного учения Кшитигарбхи, вместе со всеми его прихвостнями.

Вэй Бинцин выслушал его пылкую, полную праведного гнева речь с глубокой озабоченностью.

— Из твоих слов, правый посланник Цуй, выходит, что соглядатай, посланный вашей школой в Долину Павшего Бессмертного, был раскрыт? И хозяин долины Вэнь Яньшу в ярости лишил его жизни, а теперь, возложив вину на Зал Высочайшей Справедливости, покинул свое убежище ради кровной мести?

Цуй Шэн почтительно сложил ладони перед грудью:

— Именно так, глава поместья Вэй! Этот мерзавец Вэнь Яньшу пользуется немалым почетом среди прихвостней культа. Собрав под своим началом всю шваль из Долины Павшего Бессмертного, он явился к нам и без лишних слов вырезал под корень целую семью. Горько думать о безвременно погибшем Лю Юне! Тот, будучи лазутчиком, не раз рисковал головой ради доверия этого чудовища, но злодей Вэнь без тени жалости поднял руку на его близких. В доме Лю не пощадили ни младенцев, ни стариков — весь их род пресекся в один день!

Вэй Бинцин тяжело вздохнул, покачав головой:

— Какая жестокость... Подобное зверство воистину лишает человека права называться человеком.

— Золотые слова, почтенный Вэй! — подхватил Цуй Шэн. — Подобный произвол заслуживает сурового возмездия со стороны всех праведных мужей Поднебесной! Кровь в жилах стынет от ярости, и лишь смерть палачей утишит нашу боль. Наш глава сокрушается, что силы Зала Высочайшей Справедливости слишком малы. Вэнь Яньшу уже прислал вызов на смертный бой, и если вы откажете нам в поддержке, моя школа обречена на неминуемую гибель.

Цуй Шэн опустился на одно колено и низко склонился перед хозяином виллы:

— Умоляю вас, глава Вэй, явите милость и восстановите справедливость!

Вэй Бинцин поспешил подхватить его под локти, помогая подняться:

— Встань, друг мой, к чему эти церемонии? Я всем сердцем сопереживаю твоей беде, однако законы цзянху суровы: личные счета сводят с глазу на глаз. Если мы открыто вмешаемся в чужую распрю, то нарушим извечные правила. Да и кто поручится, что прихвостни культа не используют это как предлог для похода против всего праведного люда Срединных равнин? Подобный пожар уничтожит всё на своем пути.

— К тому же, — продолжил Вэй Бинцин тише, — служители тьмы хоть и коварны, но без веской причины на рожон не лезут. После гибели их верховного владыки между нашими силами и теми, кто засел под Утёсом Обрыва Воды, установилось пусть хрупкое, но равновесие. Стоит нарушить его в одночасье — и покой навсегда покинет наши земли.

— Почтенный Вэй! — горячо возразил Цуй Шэн. — Защищать слабых и искоренять скверну — не просто наше решение, это наш долг перед Небом! Стал бы праведный муж вызывать к милосердию перед лицом палачей? Неужели невинная кровь семьи Лю пролилась напрасно? Если Зал Высочайшей Справедливости падет в этой схватке, нас ждет та же участь!

Вэй Бинцин тяжело вздохнул. Он никак не мог решить, стоит ли ввязываться в эту опасную игру и какие беды это навлечет на его собственное пристанище. Желая услышать свежий взгляд, он обратился к скромно стоявшему в стороне старшему ученику:

— Чжэн-эр, каково твое мнение?

Цинь Чжэн, полагавший, что его пригласили лишь для представительства, никак не ожидал, что наставник обратится к нему. Растерявшись на миг, он решил высказать то, что действительно не давало ему покоя:

— У твоего ученика есть сомнение, учитель.

— Что же тебя смущает? — спросил Вэй Бинцин.

Юноша задумчиво потер подбородок и повернулся к гостю:

— Правый посланник Цуй, прошу простить мне мою дерзость, но один вопрос не дает мне покоя. Будьте добры, рассейте мои сомнения.

Цуй Шэн заметил юношу еще у порога. Этот миловидный отрок, без сомнения, и был тем самым любимым учеником Вэй Бинцина, о котором шептались в цзянху. Гость полагал, что приближенный к столь почтенному мастеру юнец окажется либо простоватым, исполнительным простаком, либо хитрым подлецом, привыкшим выслуживаться перед старшими. Он никак не ожидал увидеть перед собой столь юного и при этом на удивление невозмутимого... барчука. От Цинь Чжэна исходил едва уловимый, свежий аромат трав — похоже, тот совсем недавно совершил омовение.

«Кто же моется среди бела дня?» — мысленно фыркнул Цуй Шэн. С первого взгляда было ясно: этот неженка и ведра воды без посторонней помощи не поднимет. Великие дела, защита невинных — всё это было явно не по плечу такому слабаку. К тому же Цуй Шэн битый час во всех красках расписывал их злоключения перед главой поместья, а этот мальчишка смеет сомневаться! Посланник почувствовал укол раздражения, но всё же сдержал порыв и кивнул, решив выслушать, что тот скажет.

Цинь Чжэн и понятия не имел, как низко оценил его гость. Соблюдая приличия, он вежливо поклонился старшему:

— Мне доводилось слышать, будто у адептов Божественного учения Кшитигарбхи есть незыблемое правило: всякий, кто примыкает к ним, полностью отрекается от прошлого. Прошлые обиды и долги признаются несуществующими, а человек начинает жизнь с чистого листа. И разрывает он не только вражду, но и родственные узы — семья и близкие отныне для него мертвы. Раз так, то почему хозяин Долины Павшего Бессмертного Вэнь Яньшу — столь уважаемый старейшина культа — после казни лазутчика решил нарушить этот устав? Зачем ему понадобилось поднимать на ноги своих людей, покидать убежище ради мести и вырезать под корень весь род предателя?

Заметив, как при этих словах Цуй Шэн занервничал, Цинь Чжэн прищурился и продолжил:

— Будь я на месте его подчиненных и увидь, как наставник с легкостью предает память былых дней и расправляется со старым соратником, я бы от страха лишился сна. Кто после такого станет рисковать головой ради него? Проще собрать пожитки да сбежать подобру-поздорову. Так что эта история с истреблением семьи выглядит весьма неправдоподобно. И у меня на этот счет есть одно смелое предположение.

Цуй Шэн нахмурился:

— Какое еще предположение?

Вэй Бинцин при виде того, как ученик упрямо вскинул брови, сразу почуял неладное. Он попытался оборвать его речь, пока тот не наговорил лишнего, но не успел.

Цинь Чжэн, убежденный в собственной правоте, с жаром произнес:

— Рискну предположить, что прихвостни культа и пальцем не тронули семью Лю. Скорее всего, кто-то решил оклеветать Долину Павшего Бессмертного, дабы стравить силы Срединных равнин со служителями тьмы. И не удивлюсь, если ниточки этого заговора тянутся прямоком в ваш Зал Высочайшей Справедливости.

Лицо Цуй Шэна мгновенно пошло багровыми пятнами от ярости, и он грубо выплюнул:

— Да ты бредишь, щенок!

Вэй Бинцин лишь прижал ладонь к лицу и тихо откашлялся, пытаясь сгладить неловкость:

— Чжэн-эр, прекрати немедленно! Как ты смеешь нести подобную околесицу в присутствии правого посланника Цуй!

<http://bllate.org/book/19742/2038816>